

УДК 947:008(571.6)

© Н. Г. Кулинич, 2013

СПОСОБЫ «ЗАКРЕПЛЕНИЯ» РАБОТНИКОВ НА ГОРОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1930-е гг

Кулинич Н. Г. – канд. ист. наук, доцент кафедры «Философия и культурология», тел. (4212) 22-43-94, email: kulinich_n_g@mail.ru (ТОГУ)

В статье рассматривается проблема закрепления работников на промышленных предприятиях Дальнего Востока РСФСР в условиях повышенной социальной мобильности населения. Показано, что основными способами борьбы с текучестью кадров стали «самозакрепление» и насильственное удержание.

The article deals with the problem of attaching workers to the industrial enterprises in the Far East of the RSFSR under conditions of heightened social mobility of inhabitants. It's shown that the main methods of fighting with employee turnover became "self-attaching" and forced holding of workers.

Ключевые слова: переселение, текучесть кадров, социальная мобильность, «дезертирство из пределов ДВК», «самозакрепление».

Развитие советского Дальнего Востока в 1930-е гг. определялось форсированной индустриализацией. За короткий срок здесь было построено более 100 крупных промышленных объектов, в том числе около 20 заводов, имевших «союзное значение». В результате выпуск валовой продукции крупной промышленности Дальневосточного края вырос на 307% (в среднем по стране прирост составил 217%). Удельный вес машиностроения и металлообработки в общем объеме производства крупной промышленности поднялся до 25,4%, существенно (более чем в 2,5 раза) возросла угледобыча. Форсированная индустриализация значительно обострила традиционную для дальневосточного региона проблему трудовых ресурсов, решение которой по-прежнему виделось в массовом завозе рабочей силы из центральных районов страны. За 1928 – 1937 гг. на Дальний Восток было завезено 725,3 тыс. человек промпереселенцев, 112,5 тыс. – сельхозпереселенцев, а естественный прирост за этот период составил только 324,4 тыс. человек [5].

Однако, попав в непривычные для себя природно-климатические и социально-экономические условия, переселенцы слабо приживались, формируя

значительный (до 70% от ввоза) поток возвратных мигрантов. Главные причины массового «обратничества» крылись в исторически сложившемся отставании региона по уровню жизни населения от центральных районов страны. В дальневосточных городах невозможно было купить самые обычные товары: хозяйственное мыло, зубной порошок, синьку, белые нитки и т.д. Хлеб в магазинах продавали по норме не более 2-х кг. За продуктами питания, продававшимися частниками на базаре за «ужасные цены», выстраивались «очереди, доходящие до мордобоя». Приезжие жаловались, что их повсюду в крае преследует фраза о том, что «Дальний Восток деньги любит» [3]. В письмах переселенцев, обращенных во властные структуры, нередко звучало возмущение: «Здесь все так дорого» [5]. Об этом говорили и руководители предприятий, жалуясь, что их «работники покупают продукты в городе, а, принимая во внимание, что цены в Хабаровске вдвое дороже, чем в Москве, это сильно отражается на рабочем бюджете» [11].

Не способствовала «закреплению» работников особая политика в сфере зарплаты, проводившаяся руководством дальневосточных предприятий. Чтобы сдержать масштабы «обратничества», руководители предприятий сознательно завышали зарплату переселенцам, что вызывало возмущение со стороны уже закрепившихся и считавшихся «местными» рабочих. Об этом в своем выступлении на IX Дальневосточной краевой партконференции (1929 г.) говорил представитель Дальзавода (г. Владивосток) Чернявский: «К нам в прошлом году завезли рабочих. Эти рабочие не квалифицированы. Рабочие не стоят 5 разряда, а просят дать 8, потому что они колонизированы. Мы кричим, что наблюдается неправильный подход к приезжим рабочим и местным. Приезжие получают хоромы, а местные живут как свиньи» [16]. Председатель Далькрайсовпрофа А. Макеенко в статье «Состояние оплаты труда в Дальневосточном крае» (1934 г.) вынужден был признать, что зарплата завозившихся рабочих, как правило, значительно выше, чем у местных. На заводе Дальсельмаш (г. Хабаровск) за одну и ту же работу «местные рабочие» получали 600–800 руб., приехавшие «по договору» почти в два раза больше — 1138–1435 руб. На Осиповском затоне слесарь 5-го разряда, прибывший «по командировке на два года», зарабатывал 536 руб. в месяц, а местный рабочий такой же квалификации — всего 216 руб., чеканщик, командированный на два года, получал 410 руб., «местный товарищ» — 180 руб. и т.д. «Такое явление, — делал вывод автор статьи, — не может не порождать рваческих настроений, падения дисциплины и текучести кадров» [7]. Сложившаяся в регионе практика завышения оплаты труда вновь принятых рабочих дальневосточной прессой была названа «странным методом закрепления работников» [13].

Еще одной причиной массового «обратничества» стала слабая информированность переселенцев. Анализируя сложившуюся в сфере промышленного переселения ситуацию, руководство Далькрайкома ВКП(б) вынуждено было признать, что большинство рабочих, приезжавших на Дальний Восток, слабо представляло условия труда и быта, с которыми придется столкнуться. При

вербовке им совсем их не объясняли или давали «завышенную оценку» [5]. Один из первостроителей Комсомольска-на-Амуре П.Ф. Сафонов вспоминал: «Когда мы получали комсомольские путевки, нам представлялись чуть ли не готовые цехи, ведь повсюду назывался небывалый срок строительства: 9 месяцев. А здесь увидели, что не так уж скоро каждый из нас займется своим прямым делом» [14].

Крупнейшие социалистические предприятия, завозя из центра страны новых рабочих, не предпринимали мер для нового жилищного строительства. Так, например, Дальзавод (г. Владивосток), число работников которого за 1928–1929 гг. возросло на 286%, не построил за это время ни одного метра жилой площади [3]. Вызванный индустриализацией стремительный рост городского населения существенно осложнил жилищную проблему. С 1927 по 1935 гг. количество городских жителей выросло почти в 2,5 раза, а жилищный фонд за это время увеличился только в 1,7 раза. Это привело к сокращению жилплощади, приходившейся на одного жителя (с 4,3 до 3,17 кв.м.). За это время в среднем по стране размер жилой площади на одного человека увеличился с 5,9 до 6,6 кв.м. Ставший традиционным для региона дефицит жилья вследствие быстрого роста горожан достиг катастрофического уровня, особенно в городах-новостройках, таких как Комсомольск-на-Амуре, где на одного жителя в среднем приходилось менее 2 кв.м. жилья. В этих условиях руководители дальневосточных промышленных предприятий критически оценивали перспективы «закрепления» в крае завозимых рабочих, заявляя: «Если нам удастся завести рабочих из центральной России, то получается одно из двух: или они заставляют выплачивать обратную дорогу, едут обратно или кому-нибудь набьют морду, что будет, конечно, правильно» [15]. В 1930-е гг. даже были случаи, когда завозимые в край рабочие отказывались выйти из вагонов до тех пор: «пока им не дадут планового снабжения, жилищ хороших и пока не удовлетворят все, что записано в договоре». Выполнить все их требования у руководителей предприятий просто не было возможности. «Мы выполняем все условия, — говорили они, — кроме жилищ... Поэтому привозимые рабочие на 75—80% уезжают обратно» [5]. В 1935 г. председатель фабзавкома Хабаровского нефтеперегонного завода докладывал президиуму ЦК профсоюзов рабочих нефтеперегонной промышленности, что «на заводе положение с жильем и бытом чрезвычайно серьезное, и каждый считает дни, когда окончится договор и он получит возможность отсюда уехать» [11].

Отсутствие приемлемых жизненных условий порождало хроническую болезнь дальневосточной промышленности огромную текучесть кадров. Уже к концу 1920-х гг. она достигла таких масштабов, что была названа в докладной записке Наркомата труда РСФСР о результатах обследования рабочего вопроса в крае «особенностью фабрично-заводской промышленности ДВК» [4]. Ее размеры были столь значительны, что состав некоторых предприятий почти полностью менялся в течение года. В Хабаровске на заводе Дальдизель за 10 месяцев 1936 г. состав строительных рабочих обновился почти в три

раза, на заводе им. Горького за этот же период в 2 раза [9]. Руководители предприятий признавались: «Я работаю...4 месяца и за четыре месяца рабочие сменились четыре раза. Меня... спрашивают – знаешь ли ты своих рабочих, я говорю – не знаю» [5].

Масштабы текучести кадров не ограничивались территорией одного города, а охватывали весь регион. Анализ механического движения населения, предпринятый автором, показал, что за год состав жителей дальневосточных городов обновлялся практически на четверть. Неудовлетворительное снабжение продуктами питания и промтоварами, отсутствие необходимого культурного и медицинского обслуживания, крайне тяжелые условия труда, низкая заработная плата, все в совокупности порождало ту легкость, с которой рабочие оставляли работу на своем предприятии, надеясь найти лучшие условия в другом месте. В 1937 г. во время процедуры перевода из кандидатов в члены ВКП(б) на вопрос: «Почему часто менял место работы?» Один из рабочих дал ясный ответ: «Переходил на работу туда, где по слухам было лучше» [5].

Дополнительным фактором, усиливавшим социальную мобильность населения дальневосточных городов, являлось преимущественное развитие сезонных отраслей экономики: лесной, рыбной, золотодобывающей и пр. Постоянно нуждавшиеся в рабочих руках, эти предприятия сулили надежды на быстрые заработки, что приводило к оттоку из города рабочих главным образом в теплое время года – 2 и 3 кварталы. Коэффициент текучести кадров на городских предприятиях в весенне-летний период достигал своего максимума. В 1929 г. он составил 193,5% [12]. На IV Дальневосточном съезде Советов говорилось, что экономика региона характеризуется «доминирующим значением сезонных отраслей промышленности – лес, рыба и прочие, которые, втягивая все новые и новые кадры, создают, таким образом, приливы и отливы рук на основных предприятиях, препятствуя тем самым созданию постоянных кадров производственных рабочих» [8]. В документах того времени появился даже специальный термин для обозначения этого движения трудовых ресурсов – «бродячая рабочая сила». Журнал «Дальневосточный парторботник» за 1932 г. писал: «Эта «бродячая» рабочая сила, в силу огромных территориальных пространств, тратит массу времени на передвижение, а, следовательно, надолго выпадает из трудового баланса... Текучесть и прогулы отнимают сейчас у края до 15 млн. человеко-дней» [6].

В качестве меры, призванной сдерживать нежелательную для власти социальную мобильность населения, в 1930-е гг. применялись различные формы «самозакрепления»: до конца II пятилетки, до конца строительства предприятия и т.п. Например, на Дальзаводе (г. Владивосток) закрепились до конца второй пятилетки 375 человек [1]. В бригаде Черникова завод Дальдизель (г. Хабаровск) закрепились до конца пятилетки 50% состава [9]. Были случаи, когда демобилизовавшиеся войны и командиры, после окончания службы «закреплялись на ДВК пожизненно». Одним из таких «пожизненно закрепившихся» был бывший командир, работник завода Дальэнергомаш Чудиновский. С целью сохранения контингента работавших парткомы про-

мышленных предприятий прикрепляли к каждому отделению коммуниста или комсомольца «для учета рабочих настроений и ведения ежедневной индивидуальной агитации». Одновременно с этим использовались меры принудительного удержания. Как правило, договор с предприятием заключался на срок от 1 до 3-х лет, но работников не отпускали и после его окончания. Уже в марте 1933 г. на стройках Комсомольска в связи с этим возникла конфликтная ситуация. В обращении в Далькрайком ВКП(б) районный прокурор Комсомольска сообщал, что «более чем у 1 000 человек окончились сроки договоров, заключенные при вербовке. Рабочие настаивают на выезде, а администрация отказывается». В ответ на это рабочие отказались выходить на работу. Их объявили прогульщиками «со всеми вытекающими последствиями». В число таких «прогульщиков», по признанию райпрокурора, попали «целые бригады лучших ударников и даже героев строек» [5]. Вмешательство Далькрайкома ВКП(б) привело к разрешению этой конфликтной ситуации. Но и позже большинству «вербованных» удавалось оформить свое увольнение только через суд.

Для членов ВКП(б) фактором вынужденного «самозакрепления» стала обязательность процедуры снятия с партучета. Разрешение на это необходимо было выпросить сначала у парткома своего предприятия, а затем в горкоме или крайкоме ВКП(б). В архивах сохранилось большое количество писем с подобными просьбами. В качестве наиболее типичных оснований для выезда назывались: «расшатанное за время пребывания в регионе здоровье и разлука с семьей, оставшейся на родине». Но, как правило, подобное разрешение получить в 1930-е гг. было невозможно. Так, партком завода Дальэнергомаш (г.Хабаровск) в 1935 г. было отказано в «освобождении с завода» Киму А., Христину, в 1937 г. Волостникову, Батаеву, Фомину, Гуськову и др. Получил отказ на просьбу сняться с партучета и остаться в Москве с больной в результате тяжелых родов женой инженер Треста Амурзолото (г. Свободный) Минаков М.Я. [5].

Решением бюро Далькрайкомом ВКП(б) от 20 апреля 1933 г. был установлен запрет даже на временный «выезд коммунистов из пределов ДВК» (в отпуск, на учебу, лечение и т.п.) «без решения обкомов или крайкома партии (по их соответствию номенклатуре)». В соответствии с военизированной терминологией 1930-х гг. в региональном дискурсе возникло особое понятие «дезертирство из пределов ДВК», которое оборачивалось для виновника как минимум лишением членства в ВКП(б). Масштабы бегства из региона приобрели такой характер, что заставили первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьева в декабре 1934 г. обратиться в ЦК ВКП(б): «Прошу помочь краю в борьбе с дезертирами. По требованию пришло большой список дезертиров». Аргументировал свою просьбу Лаврентьев так: «Следует некоторых дезертиров (а их вообще много) наказать и вернуть обратно в край. Иначе, когда дезертирство до сих пор проходит безнаказанно, у других появляется охота удрать». На заводе Дальэнергомаш в 1935 г. были исключены из партии «как дезертиры» Цибин, Белов, Иванова, в 1936 г. муж и жена

Вяткины. В 1937 г. Комсомольским горкомом ВКП(б) с формулировкой «за дезертирство с ДВК» были исключены из партии: Рожанный, Сафронов, Петрунинс, Иванов, Туликов, Белокосиев, Арустанов, Карпук, Платонов, Бедерев и многие другие. Подобные «меры закрепления» сформировали устойчивое отношение к ним дальневосточников, отраженное в информационном письме одного из уполномоченных по проведению переписи населения 1939 г. в Хабаровском крае. В качестве примера наиболее типичных «разговоров антисоветского порядка» он привел следующий: «Переписывают население для того, чтобы его закрепить на ДВК и не выпустить отсюда» [5].

Библиографические ссылки

1. *Ворошиловец*, 1934, 27 января.
2. Государственный архив Амурской области (ГААО) Ф.Р-1343. Оп.1. Д.8. Л.46.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК) Ф.П-3. Оп. 1. Д. 158. Л. б. Д.903. Л.5.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.2306. Оп.69. Д.1977. Л.8об.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф.П-2. Оп.1. Д.112. Л.88об.; Д. 408. Л. 97-99; Д.496. Л.14,27; Оп.6. Д.368. Л.12-16; Д.377. Л.4-7; Д.378. Л.71; Д.379. Л.225-226; Д.831. Л.119,131; Ф.П-30. Оп.1. Д.4. Л.80,133,168; Ф.П-44. Оп.1. Д.1. Л.8,16,18, 26, 27,29,33,62; Д.5. Л. 53, 78-80,85,102; Д.6. Л.47, Л.57; Ф.П-241. Оп. 1. Д.53. Л.46; Ф.Р-353, Оп.5, Д.7, Л.25
6. *Кутузов, Д.И.* ДВК - на пороге второй пятилетки // Дальневосточный партработник. – 1932. – №1-2. – С.28.
7. *Макеенко, А.* Состояние оплаты труда в Дальневосточном крае / А. Макеенко // Тихоокеанский коммунист. — 1934. № 4-5. — С. 33.
8. *Материалы* к отчету Далькрайисполкома IV Дальневосточному съезду Советов. – Хабаровск, 1931. – С.129.
9. *Молот*, 1934, 17 января.
10. *Отчет* о работе ЦК Профсоюза рабочих строительства тяжелой промышленности Дальнего Востока. – Хабаровск, 1937. – С.41.
11. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7695. Оп. 6. Д. 2. Л. 21-22.
12. *Российский* государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф.Р-2492. Оп.1. Д.73. Л.13.
13. *Тихоокеанская звезда*. 1935. 26 августа.
14. *Хабаровский комсомол: в документах и иллюстрациях*. – Хабаровск, 1978. – С.114.
15. *V Пленум* Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) 20-23 мая 1928 г. Стенограф. отчет. – Хабаровск, 1928. – С.264.
16. *IX Дальневосточная* краевая партийная конференция. 22 февраля 1929 г. Стеногр. отчет. – Хабаровск, 1929. – С. 44.